

Гила Лоран
~~ПЕРВОЕ СЛОВО~~
СЪЕЛА КОРОВА

Москва
2008

Совместный издательский проект
клуба «Классики XXI века»
и серии «Русский Гулливер»

поэзия

основан в 2007 году

Руководители проекта *Вадим Месяц*
Елена Пахомова

Главный редактор серии *Андрей Тавров*

Оформление серии *Маргарита Каганова*

Лоран Ги́ла

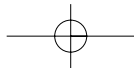
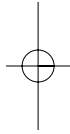
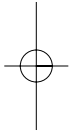
~~Первое слово~~ съела корова. Книга стихов / Серия «Русский Гулливер».
/Литературный клуб «Классики XXI века»; М.: Изд-во Р. Элинина, 2008 –
88 с.

ISBN

© Ги́ла Лоран, 2007
© Решетников К., 2007
© Каганова М., оформление, 2007
© «Русский Гулливер», 2007
© «Классики 21 века», 2007

об авторе

Гила Лоран – поэт, прозаик. Автор книг стихов «Ж» (М.: АРГО-РИСК, 2000; в рамках коллективного проекта с участием Н.Винника, М.Анкудинова, М.Горелика) и «Voila: Антология жанра» (М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2004). Публикации в журналах и альманахах: «Вавилон», «Воздух», «Двоепочие», «РЕЦ», «Риск», «Солнечное сплетение», «Text only». Живет в Москве.



предисловие

Чудо разгерметизации

В книге «Двенадцать ключей мудрости» Василий Валентин советует: «Сооруди три великих крыла для земли — пусть они нудят ее со всею силой так, чтобы она поднялась до небес и даже до небес небес, в высочайшие их области. Потом сожги ее крылья, чтобы земля упала в красное море и утонула в нем. А затем огнем и воздухом высуши эту воду, чтобы снова образовалась земля». Именно так поступает Гила Лоран. В ее поэзии совершается полный цикл уничтожения и созидания — и не только земли, но и всего остального.

Для этого порой требуются куда более странные манипуляции, нежели те, которые предписывает обладатель ключей мудрости. Но такой путь — единственно верный.

Когда современные стихотворцы решили обжить здание традиции, оно очень быстро обнаружило свою непригодность для прямолинейного пользования, а затем и вовсе обвалилось под тяжестью многочисленных жильцов. Ныне те, кто не сгинул в этой коммунальной катастрофе или родился после нее, снова учатся ходить по земле и ощупывать предметы, не злоупотребляя при этом инструментами, которые обнаруживаются в развалинах рухнувшего жилища. В результате выясняется, что масло масляное, а мишка плюшевый, но и только — для более впечатляющих открытий все же необходимо какое-то снаряжение; попытка же его раздобыть приводит на развалины. Чтобы выйти из порочного круга, нужно аннигилировать и предметы, и инструменты, а затем создать их снова, но так, чтобы масло уже не было масляным. А сделать это можно, только уничтожив и возродив самого себя.

Поэтический субъект Лоран как раз и возник в результате смертельной операции такого рода. «Наш современник», «обеспокоенный интеллектual», «человек цифровой эпохи», да и вообще «человек» подвергся хладнокровному закланию. Вместо него явилось невиданное многоликое существо с невероятно сложной духовной анатомией,

при необходимости умеющее превращаться и в нашего современника, и в человека цифровой эпохи. Существо это живет сразу во всех временах — для него нет хронологической пропасти между советскими буднями двадцатипятилетней давности, библейской древностью и средними веками. Каждую из соответствующих реальностей, включающих в себя свой фольклор и свои коллективные фантомы, оно переживает одинаково интенсивно, и именно такому существу под силу изменить предметы — хотя бы путем наложения этих реальностей друг на друга. Но, в отличие от многочисленных «поэтов культуры», Лоран не растворяется в ней и не попадает от нее в зависимость, а, напротив, подчиняет ее своей авторской воле. Цитаты и аллюзии нужны здесь для того, чтобы выразить собственную сущность и рассказать собственный сюжет, который гораздо важнее, чем выдумки литераторов и свидетельства историков. Новое существо снабжено таинственным органом, позволяющим выносить оккультные приговоры всему происходящему и смеяться по-настоящему страшным смехом. Виртуозная работа с дискурсами и стилями, сама по себе поэзии не делающая, здесь служит подспорьем при создании босхианской мистерии — иногда, правда, ехидно сжимаемой до кукольно-камерных масштабов. Сюрреализм Лоран с его смещенной телесностью и карнавализацией абстракций — парадоксальный путь к катарсису. Лоран — артист: даже спуск в адские бездны не мешает ей играть и перевоплощаться. Неудивительно, что как поэт она пребывает в благородном вакууме — в ее поколении сблизить и сопоставить ее не с кем.

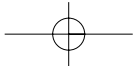
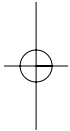
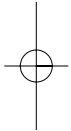
Язык преображенного поэта — тоже результат уничтожения и синтеза. В первом стихотворении книги появляется ангел, возглашающий: «Горе, горе, горе прописанным в этой фатере!». Все языки — библейский, советский, устаревший разговорный, современный литературный, трафаретно-поэтический и многие другие — вспыхивают ярким пламенем, чтобы посредством алхимического превращения породить саркастический, горестный и возвышенный язык Лоран. Некоторые ее стихи читаются как стилизация, но на самом деле это дивная поэтическая хитрость, недоступная почти никому: в большинстве случаев конкретного образца для этой стилизации не существует. Речь Лоран в лучших своих отрывках построена на удивительно точной и мощной просодии, выдающей в авторе большого лирика и переводящей его из «современной поэзии» в совсем другой кон-

текст, который ныне, как правило, осваивают только через эпигонство, а не через наследование. Способность говорить так сродни абсолютному слуху.

Поэзия Лоран глубоко трагична. Это поэзия боли и ее мученического преодоления. Нестандартные женские истории, угадываемые в этих стихах, равно как и один из характерных героев-протагонистов Лоран — испуганная любовница, она же любовник, сочетающая стилизованную пошловатость с ритуальными практиками и ведущая пересмешнический рассказ о возлюбленной — дают лишь ограниченное представление о корнях этой боли и о ее сути. Источником боли является сама материя мира, делающая желаемое невозможным, а сапфический ракурс — не более чем один из способов выразить это. С другой стороны, гендерная альтернативность служит основанием для дерзкого социокультурного вызова. Но он, впрочем, выглядит лишь смягченным подобием того метафизического бунта против мироздания, который Лоран зашифровано поднимает на каждой странице. Бунт этот неотделим от плача. Для протагониста Лоран невозможно плавание на победно-романтическом пьяном корабле — вместо него в ее стихах появляется корабль уродов, пассажиром которого стремится стать герой, и в современной русской поэзии мне неизвестна более сильная метафора экзистенциального изгойства.

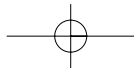
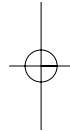
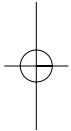
«~~Первое слово~~ съела корова» — в значительной своей части книга о детстве, безвозвратно ушедшем и вечно длящемся. О детстве, имеющем конкретные географические и временные координаты. За изоциренной поэтической машинерией, жестокими фантасмагориями и болезненной иронией прячется беззащитная фигурка избранного и проклятого ребенка, чей мир рисуется одновременно раем и адом. В эпосе о детстве герметическая поэзия Лоран раскрывается, как ларец с простыми дарами. Эта разгерметизация, отнюдь не оборачивающаяся для стихов летальным исходом, — ключ к прочтению всей Лоран. Под культурным слоем нас всегда ожидает ее пугающее «я» — ни на кого не похожий вещатель. Достаточно услышать его — и самые темные строки разгерметизируются сами собой. Так сложная поэзия обретает силу и внятность лирической песни, и этот эффект — тоже из области радикального преображения вещей.

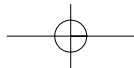
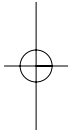
Кирилл Решетников



Памяти с. Знаменского

*Отпусти-ка меня, конвойный,
Прогуляться до той сосны*





ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ ГОРЯ

В полдневный жар, в долине Дагестана...

Почал я свое грешное хождение за три горя
отпустили мя голой головою за море
дорога тесна, и вдвоем не пойти.
любят там белых людей
а сами все черные, все злодеи,
а женки все бляди,
да веди, да тати,
господарей морят зелием.
*И видел я и слышал одного ангела, летящего посреди неба и говорящего
громким голосом: горе, горе, горе живущим на этой земле! горе, горе,
горе прописанным в этой фатере!*
Да только окромя меня никто его не услышал.

На кухне тетя Маруся целый день всем назло кипятит воду
кормит свою толстую рыжую Этлю тетя Ревечка
Маменька готовит голубцы. Значит,
тетя Кира завтра тоже приготовит голубцы.
Она всегда повторяет за моей матерью.
А Нина Федоровна,
в шелковом шарфике, ажурных колготках, на каблуках, в театр
собралась —
зашла на кухню, якобы за зажигалкой: показать,
что не только в халате всю жизнь ходит.
*А у меня в животе солнце хохочет
В малиновом завитке
А сам я в прихожей вечною ночью
С прохладною трубкой в руке*

Есть у них тут птица Гукук,
летает ночами и кличет: «кук-кук»
а на которой хоромине посядет, то тут человек умрет
а ежели кто возжелает ее убить — так у ней изо рта огонь выйдет.

И второй ангел на сосне протрубил: одно горе прошло; вот, идут за ним еще два горя.

И опять — я не в счет — никто ни уха не наострил.

Клавдия Николаевна была проститутка

потом заделалась портнихой. И стала

с Ниной Федоровной вместе жить.

Стасик с Ольгой ругаются.

Полаются-полаются, а вечером опять вместе в кино пойдут.

Дарья Филипповна в своей комнате

по телефону разговаривает,

а тетя Мила в коридоре стоит, подслушивает.

Дарья Филипповна, говорят, прикипела

к юнцу одному консерваторскому

уж и в загс собралась.

А у него, поганца, в его дыре

жена с дитем вырисовалась. Дарья Филипповна

вся на нервах, так тете Миле

до смерти любопытно.

А я в унитазе рыбу ловлю

По лесу у них мамоны ходят да обезьяны,

да по дорогам людей дерут,

а дики олени пупки из себя роняют по лесу.

И месяц у них стоит три дня полон,

да овощ сладкий везде каждый час произрастает.

И третий ангел со звезды возгласил: второе горе прошло; вот, идет скоро третье горе.

И снова — всем померещилось только, будто звезда мигнула.

Соседи ходят, клад ищут. Каждый

свою комнату простукивает.

Тетя Маруся войны ждет.

Стасик нож точит.

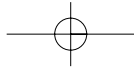
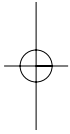
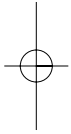
Тетя Ревечка все кудахчет,

как бы Этлю поскорей замуж пристроить.

А в третьей справа видели черную девочку.

Говорят, из шкафа вышла, ушла в зеркало.
*Я повесился. Прямо в центре комнаты,
на крюке из-под люстры, что в лепной розочке.
Тогда еще из репродуктора женский голос
пел про какой-то миллион.
Висел, думал про себя, что золотая люстра.
Потом рука устала. Упал. Разбился.*

Милостью высокою преидох же три моря, претерпех же три горя.



I. Des dames du temps jadis

*Скажи, в каких краях они,
чья красота — как наважденье?..
Таис, Алкида — утешенье
Мужей, блиставших в оны дни?..
Где Элоиза, объясни,
Та, за кого приял мученья
Пьер Абеляр из Сен-Дени?..
Где Жанна, дева из Лоррэни,
Чей славный путь был завершен
Костром в Руане? Где их тени?..
Но где снега былых времен?*

Вийон

*А в переулке забор дощатый,
Дом в три окна и серый газон...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.
Машенька, ты здесь жила и пела,
Мне, жениху, ковер ткала,
Где же теперь твой голос и тело,
Может ли быть*

Гумилев

* * *

За тремя морями за тремя веками
я искал струящуюся шелками
деву, не тронутую дураками,
чей сильнее, чем смерть, фавор.
Мне родные стали что грязь, что блохи,
врачи говорили, дела мои плохи,
я дни напролет чертил ее профиль,
я крался в ночи, как вор.

За тремя канавами за тремя плевками
я нашел себе куклу с отточенными руками,
с полетом бедра над чудовищными каблуками,
с надменной стрелкой ресниц пластмассовых ввысь.
Я двери держал, острил, посылал букеты,
стирался в пыль, слизывал след с паркета,
добившись — ногами пинал, выгонял на бульвар раздетой.
Но волей хандрящего дьявола мы ужились.

Купили кольца и объединили имя,
строили планы солнечными выходными,
затоварились ходиками стенными
и чайником со свистком.
Крестом держал пальцы — боялся ее потерять я;
но однажды утром, дотошно собрав все платья,
она спокойно ушла в чужие объятья,
оставив меня в пустой ванной со свешенным языком.

~~Первое слово~~ съела корова

19

ДАМА, СЕРДЦЕ
Minnesang

помню
много лет назад
на даче, на бугре,
говорили мне мои киевские тетушки
одна жгучая, уже крашеная, правда, брюнетка
с острым носом гражданки шапокляк
пафосная, вдова поэта
другая — голубоглазая блондинка
в свое время угнали в германию, но благополучно не опознали
а я тогда — в такой модненькой газетной рубашечке,
доставшейся от брата.
Говорили: знаешь, где у тебя сердце —
с какой стороны?
ну конечно, не знаешь —
здоровый ребенок.
Теперь знаю. Только оно все время где-то
совсем не там.

*Вырядилась, точно народная артистка
или директор овощной базы,
и пошла разоряться
как только сама от себя не устанет*

крашенная в медно-рыжий
в черном, с драгим камением,
сливки с прекрасной эпохи
шарфик шелковый — прямо из парижа
проплыла, с надменным недоумением,
сквозь вялый гул предбальной суматохи,
наклонилась — и щекой по щеке
и мятный шепот в ухо
и требовательный, душу тянущий,

на темной лестнице. и в такси налегке
и душистые простыни. и ведь не спяну же
но наутро — ни сном ни духом.

*ха! она ж холодна, как лед
на нее только издали любоваться и можно*

вот она — захудалая моя весна
ветеранов свозят в столицу
драконовым гребнем по пустырю жжет траву детвора
красят бордюры решетки бронзовые имена
чищают песочком каменные лица
тянет жареною картошкой по дворам.
Притулился меж нечеловеческими громадами
новой кирпичной рассады
белый ванильный салатový
поселок пятидесятих
пряничные балкончики фонтана кафельная колыбель
мальчик на трехколесном. дребезжит.
поджарый кобель
наискосок задумчиво пробежит
через трамвайный круг
тетенька сидит на трубе
полирует ногти. И вдруг
цок-цок по улочке
лисичка с сумочкой
и сердце мое, сердце-шмерце,
кивает само себе, что малая дурочка,
и стекает каналами тайных подкожных венечий
и капает чем-то горячим на тротуар,
контурюя пурпуром бензинный муар.

*да, женщина ухоженная
хорошо умеет себя раскрашивать
такой, должно быть, мужчины
оборачиваются вслед*

~~Первое слово~~ съела корова

21

осунувшись сердцем на четыре карата
едва не сгинув к тетке в саратов
истончив все известные волоконца д?нельзя
нацедив чашицу голубых кровей
только и умея теперь, что ходить по лесу
собирать с асфальта мерзнущих червей
стылой весной осенью сирью
на черно-желтых счетах в сельпо
сiju калькулирую:
мне будет ли по
ночному трезвону
спазму ее, выгибу-вдоху-стону
за каждые две слезинки
за морщинки у рта
за взлелеянную в чудесной корзинке
да пушенную за ненужностью на ворсинки —
Ни черта.

*ой, бросьте вы, на что вам такой цирк
один самодур, другая истеричка
вполне стоят друг друга*

злая зазноба моя —
нет, не такая, дороже на три рубля
точеные колени — сглатываю — в складках скользящей ткани
высокая грудь за черными кружевами
лучезарные заклепки на немислимых каблуках —
опять ушла — вся в духах и звонках —
мимо меня, неумелого кюхли,
покупать себе двадцать пятые туфли
видите ли

*этакая стерва
ноет-ноет
ноет-ноет
а ведь всех переживет*

сердце мое — нервическая балерина,
рискующая споткнуться о зернышко ячменя.
и пусть, как всегда, обдурены мы,
для счастья хватит дольки мандарина, —
ее недлинными, свеженаманикюренными —
очищенного — для меня.

*ну да, есть у нее слабость —
фактурные муцинки
а так, в сущности, веселая же тетка*

в замшевой ласке, томной улыбке
льняного выреза, охристой челке
мой мотылек увяз
в мнительно-зыбком
пепельном шелке
в карем золоте ее глаз
я — тухлая рыбка
лежу в газетке, на всеми забытой полке
тухлая рыбка. а в брюшке — алмаз.

~~Первое слово~~ съела корова

23

* * *

Полгода не был. На Новослободской
Помыли витражи
А ВЫ МЕНЯ КАК НАСТЮ ТОЦКИЙ
И через миг где покажи
Был сад цветов уж снег лежит

ОСЕНЬ

Лошади пасутся за белым монастырем
Козел на погосте
Цыган ходит кругами вдоль кремлевской стены
За пустырем
На берегу, все в коросте
Есть валуны.

У встречного паренька
Наушник от плеерка
Бывает блеснет под фонарем
Точно серьга.

Малыш
Жду тебя в пять у синего здания
Или ты вылез в окно
Или ты спишь
Что ли пойдем к палатке
Пососем старые шоколатки
Только черные чтобы не видели

Черные бродят по стенам безглавой обители
Грызут облатки
Пьют самогончик
Спускаются беззвучно гуськом
Залезают в фургончик
Укатывают восвояси.

Вчера наврал тете Асе
Будто мужик
Наутро вырос второй хуй
Что же тут делать
Может будем дружить?

~~Первое слово~~ съела корова

25

Пальцами мерзлыми заплетать друг другу бороды
Шататься улочками темного города
Любопытствовать под низкими окнами
Как за ними окают
В горницах охают
Но сколько бы барышни на крахмальных простынях не елозили
Только и останется тут, что тарелка плоская финского озера.

Живет-бывает Борис Семеныч Лейтес
Вере́йский коммерсант
Сушеный кальмар вместо пейсов
В форме амперсанд.
Живет на той самой улице
В тупике на краю земли
Где стоят живые дома
Между ними холодные висят облака
Белая слюна плавно по стенке лифта
Носки на ниточке поперек мертвой ночи
Борис Семеныч по-прежнему холост
Куда же она делась, малюсенькая дурочка Ривка?

*Мои уши ушли в изгнание —
Утопи поглубже в высоком горле свой сладкий голос
В каком кривом переулке ты забыла свое кохание
Ты не видишь разве как плачет мое лицо
Под синим ветром в шестнадцатом с низу окне*

Уже осень на горб свой острый нанизала немало дней
Вот и с Ксении Константиновны облетел листок.

ПРОСТЫНЯ С ДЫРОЧКОЙ НА ЗАЧЕХЛЕННОМ ДИВАНЕ

Дорогой, *не*-мой, взъерошенный воробей
С умным и грустным носом
Назначено х письмодней — хуй забей! —
Не поменять без спросу —
Мы не преминем местничать.

Вышучивать тебя, интересничать
Уже не моя печаль
Зачем нам, дуракам, чай
Мы и пешком помолчим.

В четыре часа в ночи
Голова набита по уши
Елочными игрушками
В низу живота *commotion*
Сердце стреляет пушками,
Выскакивает лягушками
Изо рта.

В четыре часа в ночи
У тебя банкет в гордом *Berkeley*
У меня закрыты все дверцы
Стучи не стучи
Да глаза в пол-лица в мутном зеркале
Да на шторах кровавые перцы.
Красота.

*

Я куплю тебе дом с мозаикой
В старинном квартале
С хуевой тучей престижных понтов
А ты, пожалуйста, побудь зайницей —

~~Первое слово~~ съела корова

27

Не вынимай меня из сандалий:
Я босиком плясать на гортани
Собственной песни песней ой не готов.

*

Каждая единица твоего молчания
Словно вдумчиво в мякоть ладони огонек папиросы,
Вновь и вновь — до слез — выбивающий пробки электрочайник.
Утрата первородства.

Имя твое в графе отправителя
Словно свежий трупик ловко убитой мухи
На паркетном полу. Удовлетворительно.
Потираю руки.

*

Да будет дух наш смел и пронырлив
Прояснится наше обличье
В жар-птиц прорастут мандавошки.

Приеду — чин-чином, *zirlich-maierlich*,
Ашкеназские блюда приличья,
Потрахаемся. Понарошку.

Выкушай, умница, ягоды-заморошки.

*

Подарю тебе писаную — лучше вылепленную в тесте —
Девицу-красавицу
Только напяль очки — опытным взглядом проверь, все ли на месте,
И забавляйся с ней как заблагонравится.
Позови ее в сельский клуб, на танцы-жеманцы,
А там и скажи: хорош обжиматься,
Милый дружок, —

Не все тебе смехуечки да пиздохаханьки!
И строго так взяв за талию,
Отведи ее на сахарный на лужок
Покричать в хвою охоньки да ахоньки,
Поковыряться в гениталиях.

*

...И будет — в голубом экране
Под нежным солнцем, утром ранним
Старушка в кожаном пальто
Сидит на парковой скамейке,
Где мы, бывало, целовались —
Нам травы щекотали шейки
(Не ведал даже дед Пихто
Как эти травы назывались) —
У всех прохожих на виду
Бог знает уж в каком году.

~~Первое слово~~ съела корова

29

* * *

Не в расчете на мой острый глаз
Покупались эти ботинки,
И в цирюльню пред встречей не бежалось,
И не дулось в ус.
А я все еще продолжаю,
Выбирая сандалии, по старинке
Думать: верно, на самую малость,
Но все же слишком открыты —
На ее вкус.

Или истинно сказано
*какая бы малолетка
ни отсасывала вам
в тесном сортире
ночного клуба
все равно вы
цепляясь пальцами за кафель
думаете
только
обо мне*

* * *

запах какао во влажном воздухе с подветрием бензина
рукой с бокалом, тыльной стороной ладони,
невзначай по груди
а она в глаза не глядит
она теплая, как не знаю что, как густое молоко в бидоне,
она ласково улыбается и вашим, и нашим, и хозяину магазина.

у нее шелковых чулок сундук и профиль верблюжонка
у нее совсем большая умница-дочка
и дом полная чаша, и походочка от бедра
а последние дни ее тошнит по утрам
как вы понимаете, я тут ни при чем и точка.
возьму себя в руки. подарю фланелевую распашонку.

у меня меж ключиц дрожит обморочная нежность
эти сырые сумерки волнуют, как майские ночи,
которых нам с ней, конечно же, не проведать.
у нее меж ключиц бархотка и июльская безмятежность
пойду к обрыву, офелия, одуванчиковый веночек
а там — грустные клоуны, дующие в жесть,

утешайте меня.

~~Первое слово~~ съела корова

31

* * *

когда бы можно было на руках
по тропке босиком в стог сена
и слезы слизывать и пальцы целовать
я б ух — и прах и дух отправил нах
и сплюнул косточку. когда бы не елена
что троя нам что дом что голова

* * *

я б сшил тот дивный пламенный центон
из каблуков коктейлей волн шелка
того, что ты еще не надевала
я чудик во дворе, пью ацетон
сжираю взглядом бешеного/целомудренного волка
тебя — под одеялом.

я под грозой об лоб бью кирпичи
в песочнице сажаю три копейки
кошелки говорят, сбежал из дурки
зову тебя — ты только не молчи

я бим и бомж на голубой скамейке
кругом — окурки.

* * *

незамысловатая набережная обрывается в травы
в майке в кирзачах моет «волгу» в волге
подарочно после ливня гладит и плавит
теплыми губами пестовать долгий-долгий

так близко — трещинки, пушок на подбородке
и глаз сквозь темное стекло, нежный
на постаменте бронзовый солдатик смотрит кротко
на знакомый до слез, до слез не прежний.

а ты могла бы в ситцевом, в синие горошки
за молоком за хлебом растить нашу ушастую ляльку
в чистеньком, с наличниками, с гортензией в окошке
с соседками ввечеру у колодца калякать

а я в кирзачах под «волгой» на заводе в сарае
и каждый рупь, каждую золотую рыбку — своей эвридике
все закаты все рассветы — наши; это, вроде, называют раем.

или — я бронзовый солдатик, ты мне — свежесрезанные гвоздики.

* * *

В сумраке белые стрекозы
летают анданте,
склон объедают козы,
млечные ослицы
хрустят укропом,
высятся дюжие гробницы
жидовских фабрикантов,
гордо и сиротливо.
А в минимаркете «Афродита»
наливают ледяное пиво
с малиновым сиропом,
дешево и сердито.

На плес выныривают черные лодки.
Пани Ядвига рассматривает ногти.
В кофейне у пани Агнешки
пышная шарлотка,
пани Барбара худеет кривит рожу.
А я кусаю свои соленые локти,
объедаю со спины кожу,
переминаюсь с орла на решку.

В замке Замойских
продают подарки,
гойские
цацки.
В дворцовом парке
Бронацких
трясут вековые груши.
В усадьбе Потоцких
колготки сушат.
Ксендз наставляет бежать

~~Первое слово~~ съела корова

35

страстей плотских,
клянет двоеженцев.
Цветочнице попала под юбку вожжа —
кричит у костела: гореть вам в аду!
Каштаны в Саксонском саду
целуются с заходящим солнцем.

И только губы твои
на кончиках пальцев, комком,
бархатный мячик,
соски твои под языком
юлят
лакомые.
Распахнула халат,
горячая
заплаканная,
сползла по кафелю.

Алая овца круглоокая
восстала над Вавелем,
нависла
над Вислою.
Ангелы цокали
языком,
кипятком
писали
с высоты.
И линолеум плавился,
и кошки глазели, от зависти
прикусив хвосты.

КНЯЖНА

У нас в овальной гостиной под плинтусом
Черная курица с красною цаплею
Жила.
В полночь желчь заедала я пыльным фикусом
В полдень датские капли я
Пила.

Припендюхалась ты с опозданием в два острова
С горечью грольша, ухмылкой умляута,
С виска
Каплями пота — скверная, острая —
Не утаить в башке — моя пятая
Тоска.

Осчастливить тебя, коли выпадут литеры,
Твою бледную кожицу
Бы снять.
А бабушка с торбочкой ходит по Питеру
А в торбочке ножницы
Блестят.

Засублимируем лысых дебильчиков
Закатаем всех в баночки —
В музей.
Позовем позырить на ихние личики
Папочек, мамочек,
Друзей.

*

Ты, прораб скорбных духом, завела нас к сумасбродной прелестнице
Плоть ее под мраморной крошкойю

~~Первое слово~~ съела корова

37

Нежна.
Будем вдвоем сидеть в парадном под лестницей
Ждать пока топнет ножкою
Княжна.

И, *naturlich*, воспользуемся черной клавишей
И по уху себе по пробитому
Да в рот.
Ты веревкою от пастернака удавишься
Я в монашеской строгости буду воспитывать
Сирот.

Чай леденеет на нёбе вытертом
Ее языком. В мозгу злые рожицы
Пиздят.
А бабушка с торбочкой ходит по Питеру
А в торбочке ножницы
Блестят.

ПРИЕХАЛИ

Приехала в далекую страну
Искать себе подругу и удачу
Теперь сижу высоко в терему
Расчесываю волосы и плачу

Мы вдруг купили бледный мокрый хлеб
В блистающей на солнце куполами
А настоятель-то вконец ослеп
И умолял вернуться к маме —

Он ныл, что нет уже пути назад,
Не забелить дощатые пустоты
Тут — девочки кровавые в глазах,
Там — за окном — когорты идиотов...

А я хочу, когда опять ползет,
Сидеть в углу у сцены самой
И целоваться напролет
С немного странной грустной дамой

Она была когда-то хоть куда
Любила женщин, и похабную картинку
На бритом темечке носила без стыда...
Но хитрый поп попутал либертинку —

Брюнетка бритая, заика-полиглотка
Подарки шлет из гипса и перин.
Самосознание затаилось в носоглотке
Дыханье страстно плавит мандарин

Бубню, уставившись в побелку тупо:
Уж возмужал, ан все тонка кишка!
Я чемодан с изящным лысым трупом
Весь сон пытался упихать под шкаф

Я ноне, братия, зело скорбями болен
Валяюсь на печи и ни гу-гу
А в голове моей придурки-моли
И неживые голуби в снегу.

Нам говорили — ни ногой из кельи
Лишь вы с крыльца — тюрьма вам да сума.
Я ни при чем! Та девочка — с безделья
Взяла себе да и СОШЛА С УМА —

Приехала в далекую страну
Искать себе подруги и удачи
Теперь сидит высоко в терему
Расчесывает волосы и плачет

ИЮ

*Ваша уверенная рука с длинным перстнем
Я никак не мог внятно ваше ию
Ах боже мой, ну зачем вы остались здесь-то
Уехали б, милая*

В центре поселка дуб
Почта сельпо детсад
Старушки на лавочках.
Папа отнюдь не глуп
Сыночек-мышка не рад
Хочет быть мамочкой.

Влез с балкона кот огромный
С подведенными глазами
Величествен обличьем
Он по ковру прошелся томно
И зубы желтые вонзая
Отъел лицо девичье
Спящей навзничь на кушетке,
Грузно
В длинной тонкой юбке в клетку.
Собиралась за француза.

*На веранде уже не ждали
Надо взять свою душу в руки
Построиться на подоконнике.
Тили-тили вам, трали-вали
Выпускают ли на поруки
Охранники-конники?*

Грядка ирисов синих
Запирает наш узкий путь

Тучи уходят клином
В галилейские горы.
О чем помолюсь? пошли нам
И про нее не забудь.
Под кроватью в пыльных узорах
Перышко попугая.
Что скажу я вам? дорогая

У меня горят уши
Мы вас вежливо выслали
Вспоминаю лишь среди мыслей о
Надменном ребенке в соседском душе,
И руки мои нечисты.
Шарахаюсь от пузырьков в стаканах
Из пальцев сыплются тараканы
И лень переворачивать листы.

*Россыпи раздавленных ягод —
Никому ни за что нисколечко.
Я ведь знал уже — никогда не повод
Я стеснялся, было, думал — слишком молод
То да се. А вы угасли за год,
Лёлочка.*

* * *

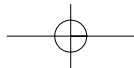
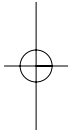
...поначалу стеснялся я, дурень,
что так мал мой возлюбленный —
умещается в ладошках,
а потом полюбил его пуше всего на свете,
и он меня голубил в ответ,
были мы счастливы сам-друг
три дня и три ночи,
а потом пришла надобность мне
отправляться в дальний путь
за три синих моря:
первое — синее сладкое,
второе — синее соленое
да третье вот синее горькое.
посадил я голубка своего
в коробочку из-под глазурных пряников
накрыл прозрачную крышечкой
убрал в шуршащий пакетик
да и в клапан рюкзака дорожного.
затянул ремешками
закрепил застежками
и забыл про голубка своего
в думах тяжких дорожных.
и издох мой голубок
в мягкой своей коробочке,
а мне горе великое,
судорога душевная
рваная рана по сердцу
власовывывание.
и, что мудрец Елисей,
ношу в ладонях его крылышки
да смотрю день-деньской в воду мутную,
куда схоронил тельце мягкое

да головку его нежноклювую.
ковыряюсь перстом десницы
в длани шуйцы своей:
вырою, думаю, ямку
собирать в нее слезки горячие.

* * *

На побережье тайном финского залива
Откуда каждым темным зимним ранним
Подрасползаются по всей стране трамваи
Где валуны в крови и слизи цвета сливы
Где мерзлыми дорогами КАМАЗы —
В кабинах лед, водители безглазы —
Вывозят кости заблудившихся девчонок
И маленький служебный с тонкой вонью
Где стекла биты холод до печенок
Где поручни крошатся под ладонью
У пассажиров боты из больницы
Подвязаны полосочками ситца

Там, у бетонного забора, на скамейке
Облупленной и накрененно-утлой
Все так же безупречно хороша, как в оны утра
Ведь столько лет ни даже мельком.
Терзая фартук не сказавши слов венчальных
Я кожей помню шелест всех ее нарядов
И вот до сеточки у глаз как в мыслях рядом
До рыжины в зрачке — меня не замечает
На солнце только шуруется дурное
И то и дело кистью узкой, хрупкой
Откидывает прядь и оправляет юбку,
И складки темные бегут моей виною.



II. Невозвращенец

*...как молодой человек,
довольно далекий от русских вопросов,
скорее, знаете, иностранной складки,
мог оказаться способен на... на подвиг, если хотите.*
Набоков

*Все б тебе бродить по городам,
Лето золотое.
Там тебе ни вспомнить, ни забыть
Что не знаешь сам.
Все тебе никак не победить
Что-нибудь такое
Где-то там.
Федоров*

*Между тем вечер был душный и мрачный.
К десяти часам надвинулись со всех сторон страшные
тучи;
ударил гром, и дождь хлынул, как водопад.
Молния сверкала поминутно,
и можно было сосчитать до пяти раз в продолжение
каждого зарева.
— Как же вы... как же вы-с, теперь же в такой дождь и
пойдете?
— Ну, в Америку собираться да дождя бояться, хе-хе!
Прощайте, голубчик, Софья Семеновна!
Достоевский*

* * *

Неуловимые мстители настигли меня

На дальней станции сойти...
Всю ночь теряя имена
Не мне увидеть тот рассвет
И всунуть штучку под пути
А сердцу плакать-поминать
Меня, что кофей пьет в Москве

*двери закрыли
вагон тронулся
и тут — подозрительно ярко
предзакатный луч в запыленное стекло
и всезнающая прощальная ухмылка
до обморока знакомого
лохматого разночинца
на перроне*

...Начистить о кожаное пальто наган
Подорвать паровоз
В коем лепший друг
И тогда уже — убивать без ран
Прощаться без слез
Любить без рук.

* * *

1.

... в тихом сумраке ночей...

В горбатом городе у последнего фонаря
В скобяной лавочке продает якоря
Рыжая девка, этакая фря —
В красной хрустящей юбке
А мы здесь шаримся, втроем, втихаря
Да снашиваем башмаки почем зря
Нам изредка, невозмутимо куря,
Дают узкобедрые юнги.

Нам не жить — возродить гренадский эмират
Чтобы старой Европе сразу помирать
Чтобы ей ажурного поперек ребра
Огонь полыхал и трамваи плавилась томно;
Чтоб сидр в бочках скис еще до утра
Засели по чердакам длинноносые бюргера
Обоссались за кафедрами почтенные доктора
И ухмылялась черная мадонна.

Мы сами ни сном, ни духом к чему вся недолга
Остались бы с радостью пачкать родимые берега
Посасывать трубку, устраивать тараканьи бега
В теплой кухне яблочный пай с корицей...
Но Тетке ведомо всё — про талеры в каблуке сапога
Про первого мальчика, вкус укропный его языка
Про камфорный ужас при виде раздавленного жука...
От нее не судьба нам скрыться.

...Сходить напоследок к своим — узнать, что по чем.
Вечеру в трактире у замка заказать пирог с кирпичом
Прощальный раз невзначай коснуться плечом

Куртки потертой на отчаянно рыжем матросе
Спуститься в сортир — нырнуть в бачок
И по трубам, по трубам, покуда вода течет

Наверно, скажут потом: что за чёрт!
Пошли до вутру и не вернулись вовсе.

2.

соберу-ка я трех пацанчиков
один племяш, сестренки моей алкоголической сынок
другой — соседская девочка, по случаю мальчиком стала,
а третий — муженька мово второго чадо,
от евоной подстилки, рыжей доярки.

пошлю их помогать арабам-басурманам
старое их царство-государство
из пепла подымать
чтоб яуропу нашу, злобную старуху с поджатыми губами,
губмя загубить
лютым пламенем спалить
да солью засадить.

(я ж когда молода была да в деревне жила,
всею душою влюбилась в мушину одного.
долго была влюблена, сладко и сильно.
и что ж? оказалось статуя,
посреди ихней блядской обманной яуропы стоит,
да и не полюбит меня никогда,
потому как каменная статуя, без сердца.
больше никого в жизни не любила,
было три мужа, все мудаки мудацкие.)

а в подмогу им пошлю все силы прелестные,
что земные, что подземные

~~Первое слово~~ съела корова

49

потому как что-что, а ведьма я знатная;
заговоры мои покупают по курице за слово,
за один взгляд мой корову дают,
зелье сварю — птицефабрику сладят.

пойдут мои пацанчики,
каблуками потопают, поскрипят голенищами,
да все сделают, что приказано,
миленькие-родименькие.
знают же, сопляки:
если послужишь Тетке
Тетка оплатит добром

а я, пока матка божка губу не скривит,
посижу-поворожу
синей жабе лапки поотрываю
на грядку белоземную втихаря помолюсь.
да только бы мне до их оглушительной победы
с ума не стронуться.

3.

Если женщина плачет, то готовит козни
Если женщина думает в одиночестве, то думает о злом.

Я королева Плакса-Недотрога
Владетельница снежного чертога
Жила — не тужила
Гладью шила
Проедала излишек
Перебирала людишек
Пока не пришел немилостив злодей
Похотлив индюк — голова размером с муде
Назвался королем — полез в альков
Истерзал мильон золотых волосков

Растянул на моих же пальцах
Моя плоть вся в его жирных пальцах
Поцелуй его что проказа
Вот заставил глотать свои запонки
Из сердолика из хризопраза
А я встану посреди ночи
Отплюю их ему в очи —
Ослеплю молодца
Да и выгоню из дворца.

Я герцогиня Славная Деревня
Вчера в опале, сегодня не в моде
Речка, угодыя
Погост да молельня
И в две слободки терема
Из чистого дерьма.
Муж мой — мясник
Точит нож, точит
Меня зарезать хочет.
Дочь моя летает
Целует воздух, дышит
Над моею крышей.
Сын мой дровосек
Подпалит меня
Сгорю, зарасту лесом —
Срубит дерева
Скажет жесткие слова
Мол, от сеньора короля
Просеку засеет солью
И останусь я одна сыра земля
Со своею болью.

Я баронесса Красная Могила
Сама ни сильна, ни хороша
Токмо молодых да пригожих побираю

~~Первое слово~~ съела корова

51

Иди ко мне мой лазоревый
Иди ко мне мой яхонтовый
Поцелую вас в пухлые губки
Отведу под прохладные своды
Поднесу вам хрустальные кубки
И зальют вас летеийские воды
А я — у берега над вами
Скупой слезинкой упаду
Да за другими побреду.

Я мещанка Ебучая Козявка
Была молодая пудреница
Стала старая перечница
Была дочь Ерусалимская
Стала клоака римская
Была столичная душенька
Стала уездная Грушенька.
Теперь от скуки что ни вечер
Я на соседок ворожу
И с новым пупсом крепкоплечим
Сношаюсь пылко в гаражу.
А раз в седмицу, на воскресной мессе
Помимо прочих всех благополучий
Поминаю я своего правоверного козла
Что подох на третьем году семейного счастья
От ревности гремучей.

У меня из головы растут
Бегемот и ромашка
Бегемот и ромашка
И ртутные шарики в глазу
Вытащите их, соберите в бумажку
Может это убавит зуд
Насыпьте мне в горло уримов-тумимов
Ушки залепите мне пластилином

Заткните звенящую трубку намоченной в уксусе губкой
Окошко мое окошко заложите душистым горошком.

И тогда мы дунем-сплюнем
Смех и слезы пополам
Я тревожусь в полнолуние
И палю по зеркалам.

* * *

Мы живем на горе, на соседнюю ходим молиться
Наши ноги в воде, наши чресла в огне, наши руки в экземе,
Наши головы в рваных пакетах, души в розовой пене.
Наша страсть стремится в вырезы блузок — мы давно не смотрим на лица
Мы кончаем в читальных залах — в нашей Книге нет слова везенье
Мы не можем заснуть — нас преследуют черные Волги моральных
полиций.

На горе цветут камни, под горою — погост и больница.

В холоде ночи, когда на луну лают лисы,
Мы тайком примеряем чужие щетины и брюки
Наш восторг был бы стать толстогубыми, с хищным блеском
оскаленной фикса
С беспредельным взглядом убийцы, чудом выпущенного на поруки.
...Нас выгибает от щиколоток этой рыженькой шиксы
Припухший прыщик на шее сообщает нам томные муки.
Нам под утро святой аббатисы
Снятся жаркие, властные руки.

На восточном склоне горы растут буки,
На западном — тисы.

~~Первое слово~~ съела корова

55

*

Шкоду новую нашкодить
Огород наогородить
Городок нагородить.
Въехать на звенящем трамвайчике
В гендиректорскую *Октавию* (мальчики
Из дочерней фирмы подарили на Рождество)
По осколкам заскачут лучики-зайчики
А я хитро сложу-покажу ему пальчики
И подыметя гнев в носу его
И глаза обратятся вовнутрь

И не будет больше муторных утр
У меня больше муторных утр
Никогда больше муторных утр.

*

Завернуть кухонный ножик в старую газетку
Спуститься в пышущее толпами метро
Высмотреть там рыжую сочную нимфетку
Нащупать джинсовое скользкое бедро
Ножичек вжик-вжик
Барышня ой-ой
И полетит в меня слоями штукатурка,
И мраморная плитка, и кафель со стены
И пулями мне вышьют сзади: Чюрка!

А я всегда хотел быть негром из далекой страны
И носить белоснежную куртку.

**

Фальшивые блондинки с подкожными пальцами
Смущенно блюют по углам.
Грузные мушинки ухоженными пальцами

Нервно долбят по кейсам своим трам-там-там.

Загнанные мамки с тортиками картонными
Спускают детей под зубья железной лестницы
[с видимым облегчением]

И достойные только старушки с синеватыми шиньонами,
Бывшие.
Прелестницы.

*

Башни-близнецы
Каменные слепцы
Резиновые сосцы
Город-урод
Мертвый народ.

А под городом что-то неладно
А под городом гнило и смрадно
И чадающие лампы задула подземная роза ветров.
Все они носят холод в низу живота,
Что там в недрах осталась одна пустота
И от липкого страха им сводит нутро
И как черви ползут они вон из метро.

*

Только крысы подземные суки
Им до нас никакого дела
Рельс один, он весь в чем-то белом
Пытка здесь, третья дверь налево
Перед ней надо вымыть руки
Умывальник висит на гвозде
Все остальное в Пизде
Только крысы подземные суки.

~~Первое слово съела корова~~

57

**

Да куда же она делась эта чертова контора
Я на поиски угробил всю бесценность выходных
Я брожу по закоулкам с неуверенностью вора
И от редкого прохожего жду вопрос врасплах поддых:
Кто? Зачем? Пошел отсюда вон с позором,
Ты, клошар синюшный и заразный за двоих!

Да шипит цыганка с рынка, сквозь истеричный звон трамвая:
Сгинул твой казенный дом глубоко в угрюм-воде
[хохочет].
Я же знаю — все же знают, — что я где-то пропадаю
От восхода до заката — чтобы всё как у людей —
Vis-a-vis с пустым экраном в белой комнатке годами,
И в столовой хладный супчик чтоб капуста в бороде.

Знать нечисто это место, знать срубили на болоте
Где дурной травы коренья,
мертвых девок испаренья,
камышей зловонный дым.
А теперь здесь люди сохнут в смертной упырьской зевоте
И в святое воскресенье офис проклятый незрим.

**

Беги отсюда, пока цел, тихий юноша поттер, гарри.
А то скоро станешь миндальничать с каждой подручной кралей
Но даже у Дамы, воистину невьёбенной,
Из снов воскресных, самых жарких, безнадежных,
С кофейными запястьями, пожаром ляжек нежных
И разноцветной грудью, в небо устремленной,
Не в силе будешь вырвать крик всех райских наслаждений
И пряный запах масляной росы
И сладкие безумные слова —
Хотя бы в утренние смелые часы
Пред пробуждением.

И о подушку в отчаянии бесслезном твоя забьется голова.

Ты будешь утешать себя чем-то, пить пиво, заедать креветкой
Тебя не хватит даже на то, чтобы стать эксгибиционистом
Будешь дрочить в метро под соответствующей газеткой
(Как то уж не раз услужливо описано в шедеврах современной
литературы)
Надеясь, что вдруг случится припадок с товарищем машинистом
И тебе удастся погибнуть от удара о торчащий из стенки туннеля
кусок арматуры.

*

Бегите сквозь аварийный выход, примерный служащий гарри
джеймс поттер
И ни за какие бонусы не оставайтесь на
Церемонию утреннего переобувания гендиректора
(Мелькают хорошо сидящие темно-серые с искрой носки
Чесальщикам пяток приготовиться
Остроносые ботинки из кожи юного ягненка
на шнурках южно-китайского шелка
с черепаховой окантовкой дырочек
с истинно арийским рельефом подошвы
Топ-менеджеры споро убирают в сейф
Весь офис навтыяжку
Запах дорогого мужского дезодоранта повисает в воздухе
И колготки рвутся
От напряжения)

Беги, коллега, последний лифт тебя ждет
До горизонта и вниз — на рассыпающийся над адской пропастью
эскалатор
Не увидишь больше ни сонных утр, ни усталых закатов
Не будешь ни жив, ни мертв.

~~Первое слово~~ съела корова

59

* * *

да, я хочу под чьим-нибудь подбородком
да, на чьем-нибудь матрасе
да, чтобы только опять заснуть
и никогда не видеть больше таких снов
ради бога

мне некому с собой говорить
в голове лопаются пузыри
вздыхают кожу волдырями
в тельце липкий дракончик
все спалил
а где же я
кто же кто же скажу мне
Это еще ничего

* * *

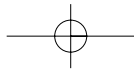
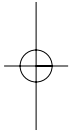
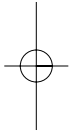
На побережье тайном финского залива
Откуда каждым темным зимним ранним
Подрасползаются по всей стране трамваи
Где валуны в крови и слизи цвета сливы
Где мерзлыми дорогами КАМАЗы —
В кабинах лед, водители безглазы —
Вывозят кости заблудившихся девчонок
И маленький служебный с тонкой вонью
Где стекла биты холод до печенок
Где поручни крошатся под ладонью
У пассажиров боты из больницы
Подвязаны полосочками ситца

Там похоронены глубоко в мерзлом насте
Те рельсы гулкие, душистые те шпалы
Где долгих две минуты под составом
Пока над шеей смерть отгрохотала
И ты герой, достойный вечной славы
Но поезд тот давно уж на запчасти.
В зияющем оконными рядами
Где райской музыкой звучал бы шорох мышки
Где только свет фонарный тусклый с вышки
На кафельный шербатый попадает
В ряд на ржавеющей трубе, как на банкетке
В больничном коридоре ожидая
Над дверью лампочки и гнев копя к соседу,
Как иглы пожелтевшие на ветке,
Уставившись на собственные кеды
Сидят бессрочный срок те, кто завместо
Оскала волчьего искал в говне сандалю
Кому подсолнухом сиять, а самого видали
Как волосы счишал, налипшие на пестик

~~Первое слово~~ съела корова

61

Кто чудный план сгубил за стрижкой челки
Болонке блядской; кто, тот план замыслив,
Загнал себе под ногти все иголки
И спрятался в чулане коромыслом.
И кто, дурным пиликаньем измучен,
Нашел спасенье на свое безручье —
Из канифольных, бархатных и синих
Футлярных недр — и об пол. Я — среди них.



III. Paradise Lost

*Оно уйдет неслышно,
Пока весь город спит...*
Дербенев—Зацепин—Пугачева

*Через года слышу мамин я голос
Значит, мне домой возвращаться пора*
Арсенев—Зубков—Овсиенко

*...Почему же все чаще, возвращаясь из Хайфы или
Ашкелона домой,
поднимаясь в свой иерусалимский автобус и рассеянно
вручая водителю
мятую двадцатку, я глухо говорю:
— В Ташкент?..
Рубина*

* * *

а ведь ни за какие молитвы не стать
не в меру упитанной, застенчивой шестиклассницей
прогуливающей физкультуру
а после уроков, в туалете,
стирающей *и* в журнале,
еле справившись с дрожью в коленках

с четверга начинала предвкушать
воскресное какао на завтрак

промочила подушку насквозь
когда черепашка умерла
в коробке из-под игрушечного самолета

(мама часто дарила папе
пластмассовые модельки самолетов
папа всегда шумно радовался
но склеил только одну)

* * *

Мы росли под знаком Бонч-Бруевича.

Кружевные салфеточки на этажерке всегда немного криво
Обои вздулись от сырости за зиму
В сенях пылится пара хозяйских валенок
У печки, на растопку, тетрадные листики, исписанные балдою.
На заднем крыльце разошедшиеся перила
Антоновка, согбенная детским лазаньем
Ирга-пьяница, осы на пестике умывальника
Листья бузины забрызганы мыльной водою.

Какие же мы стали растерянные.
Раньше книжные лавки, подвалы, избушки,
Ночные разговоры за клюковкой в эмалированной кружке
И пепел в комнатные растения.
А что из этого вышло — ни черта
Сейчас можем только
Кто приговаривать бесчеловечно
Мол, все умрем, как оно ни горько
Кто — отчаянно лепетать
Что-то такое про любовь и вечность.

Мы росли под знаком Бонч-Бруевича.
Руку на сердце положи
Мы убеждены лишь в том, что нельзя есть с ножа
Наше единственное веское
Слово — честное пионерское.

Этажерка давно на свалке или далече
И салфеточек белых, крахмальных
Больше нет — так, самая малость.
Всё, что у нас осталось,
это вмятинка от БЦЖ на предплечье,
чуть расплывшаяся с годами.

* * *

в задымленном баре на Невском
говорила она мне про своего папашу
вислоусый профессор авиамеханики
попивавший
побивавший жену
взрастивший толстую дочку
боявшийся самолетов
всю жизнь мечтавший только об одном
потягивать портер
на Пикадилли

~~Первое слово~~ съела корова

67

* * *

мне никогда не быть
тем искристым мальчиком
у которого ярким весенним утром
сразу после майских
в запертом классе
англичанка взяла в рот

следы вишневой помады на спортивных трусах
мама при стирке не заметила
она вообще мало что замечала
с тех пор как тетя уехала
в Америку — но не в ту, а в другую
короче, далеко-далеко
чтобы никогда не вернуться

* * *

Он уходит в шуршащее влажное
Пльвущее оконными сотами
Босиком, подняв воротник
со шпионскими усиками сажею
Сморкаясь тонкими золотыми
Увозя стопку любимых книг

На игрушечном красном тракторе.
За спиной оставив разохшуюся паркетину
Слабый душ и цветные карандаши
и счастливые воскресные завтраки
и историю симину-петину
поучительную, для души.

В трамвае кондукторша грозная
из конверта почтового семечки
отправляет в надменный рот
а в казенно-кафельном доме, запуганная морозами
пухлая восточная девочка
грустно сосет шнурок

Запах странствий да скрежет с улицы
Из ящика заморская дива
пристанционный буфет
Каждый в своем углу сутулится
Кульки развертывая торопливо
Дешевых сосальных конфет

В подземелье переходов мертвые бабочки
Баба-яга в косо́й светелке
Цедит мышинный чай
Он сидит на зеленой лавочке

~~Первое слово~~ съела корова

69

Пересчитывает метелки
Пережевывает печаль

Хитроумный тайник в сладкой дреме акаций
За штакетником пыльный колхозный рафик
Три фантика на кону.
Ему тошно уйти, но не можно остаться
Так как летнее детство кончилось на фиг
Ненарочно, по кочану.

* * *

тут такая была история, забавная
то есть не забавная, конечно
две сестры жили
с родителями в одной квартире
выросли
у обеих личная жизнь
а квартира-то одна
как они до хрипоты
визжали бились
лбом о батарею
маме нервы мотали

теперь одной нет в живых
а у другой три квартиры
да только что они ей теперь

~~Первое слово~~ съела корова

71

* * *

ни за что не превратиться
в ту лопоухую девочку
с мучительно-честным взглядом
которую во дворе дразнили
чморёнышем
жидёночком
заступиться было некому — папа пропал без вести

ее светлым счастьем были по осени
дешевые яблоки
«слава победителю»

* * *

Ты кукла наследника Тутси
И всего боишься немножко
А я со своими шарами
Пока они ждут не дождутся
Что жизнь сойдет к ним с обложки
Увожу тебя вечерами
Тремя ласковыми кучерами
Назад к светлой победе
Чтобы сделать тебя настоящей
Мы трясемся вдвоем на звящем
Стареньком лисопеде
И с каждой сломанной спицей
И с каждой седой опушки
На тебя высыпают веснушки
Нам надо же торопиться
По мерзлым подземным ходам
Что вырыли мрачные партизаны
Ржавым прикладом винтовки
Девочка моя, нам туда —
К белым гольфикам, макромешным розанам
Апельсиновой газировке.

Ты кукла наследника Тутси
И я со своими шарами
Пригородными вечерами
Самыми проходными дворами
Назад, к мамой вымытой раме
Только вряд ли позволят вернуться.

~~Первое слово~~ съела корова

73

* * *

кружка-то эта
красная в горошек
папина
когда с фронта приезжал на побывку, забыл
а мы потом
эти идиотские горошки зачем-то нарисовали
и под очистки, косточки всякие, используем
я смотрю на нее иногда и думаю
что же это я только делаю
за это ж в аду гореть

* * *

ни за какие коврижки
не вернуться мне в того ребенка
что в порыве необъяснимого,
но, безусловно, праведного возмущения
лупил по джинсовой попе
блондинистую тетю
у прилавка промтоварного магазина
в желтокирпичном пригороде
где на бульварах тополя в белых носочках

~~Первое слово~~ съела корова

75

* * *

В модном подвальном баре
всяких уродцев по паре
прециозница с либертином
роза саронская с палатином.
Хватит лизаться у барной стойки
хватит трахаться на помойке
всё перетерли, полно
цедить пиво обнюхивать холодец
кто сделает ноги — молодец
в последний раз застегнуть все молнии
натянуть перчатки
без единой складки
соскоблить с сетчатки
свет красных фонарей

и, скорей,
утренние поливалки
гусиная кожа на стеснительном солнце
новые ботинки уверенным ураганом по ступенькам
и — любимое место у окна на втором этаже
желтый автобус жарптицей с площади
по двум мостам и вон из города
да только там
за мармеладными полями кисельными ручьями
парфюмерными ельниками пряничными хуторами
ждет нас безжалостный заржавевший шлагбаум

* * *

он всегда признавал
что золотую медаль получил по чистому везению:
с физичкой за месяц до выпускных
случился — здрасьте-пожалуйста — нервный срыв
говорили, чужой ребенок на улице на нее с кулаками полез
ну и истерика вот уже младенцы ненавидят
за что?
в больницу забрали
а то не видать бы пятерки по физике как своих ушей
вообще жаль, неплохая была тетка
потом вернулась в школу, но ненадолго
и всё, говорят, ходила сама не своя

~~Первое слово~~ съела корова

77

* * *

хоть бы и золотая рыбка да в живой воде
а не прятаться мне снова
ранним летним утром за автобусной остановкой
сжимая в руке сетку для яиц
боясь оказаться в сельпо
один на один с продавщицей
пока она за какой-то своей нуждой не выйдет на крыльцо —
заметит меня, отсмеется
и за руку — какой позор — введет в магазин

ЛЕТО—ТУРЦИЯ—КУПАЛЬНИК

отпуск не удался.
трамвай обогнул море и как всегда
надсадно дребезжа вернулся к подъезду
кондуктор просипела выходить
вялый рывок через лужу, бордюр, три ступеньки
почты нет
безнадежно мутное окно лестничной площадки
кляц-кляц привычно тяжелая дверь
и вновь
срезать катышки
подшивать обшлага
сражаться с капюшонами
вдыхать парикмахерские подмышки
стоять в очереди за шелковыми итальянскими
и выискивать самые новые французские
бояться прокалывать уши
пришивать воротнички
заглаживать стрелочки
втирать крем, круговыми движениями,
и, слизывая шелушащуюся кожу у ногтей,
вздыхать: авитаминоз!

* * *

Я стою тут такой желанный
прямо *аленький цветочек*
весь сияю — как из ванны
и блестят мои синие очи
и очки мои на лбу, ярко-желты
всем противным говорят *пошел ты*
ресницы пострижены, пальто
в дырочку, безупречно модное
шарф в сорок восемь цветов,
гамма — холодная
брюки в три стрелочки, без единого шва
пряжка на ремне — чья-то голова
ботинки квадратные, отражают небо
оно такое — голубое, голубое!
но я не могу: я растаю снегом —
моя душа прогорела болью.

Забудем будни маскарадом
портнихам суетным подарим утро
взорвутся сумерки неоновым каскадом
шампанское-бильярд-шарады
одеколон-платочек-пудра
и лилия в петлице.
Грохочет бал — венец веселья
вокруг проносятся гигантской каруселью
корсажи-руки-кудри-лица.

Но уши мои залеплены сахарной ватой
и во рту тошной сладостью разлился глясе
хрустальные мои глаза пусты —
они отчаянно глядят куда-то,

совсем поблизости — туда ведет шоссе,
но никогда не сводятся мосты.

И — море волнуется раз
я еще *гадкий утенок*
полосатый шершавый матрас
неизбывность молочных пленок

после ванны в складочках сырость
под рейтузами синими преть
есть сокровище — только на вырост
и на шапку-косынку запрет.

И — море волнуется два
можно с горки, но только быстро
тяну варежки из рукава
на добротной картонке, со свистом

у меня потайная есть кукла
я ночами ее целую в уста
я хочу быть таким же прекрасным и глупым
но мой старый урод-капюшон будто куколь
и теперь я в стекляшке от мамы отстал.

И — море волнуется три
замри!
на всю жизнь медоносный яд
проникает в детское тело:
то роскошный тяжелый взгляд
продавщицы мясного отдела.

* * *

Живу дурак дураком: ни в пизду
ни в Красную армию — ни хуя, ни коня
я бегу на коньках по сходящему льду
то и дело шажком по асфальту, звеня
моя милая девочка, чья голова
так точно ложилась мне меж щекой и плечом
ласкается с кем-то, глотая слова
мне сердце в мочало, глазам горячо
но по асфальту никак не поспеть
ее теплые волосы пальцами сжать
и остаться навеки обнявшись висеть
над зеленой рекой, на тарзанке, визжа.

Во сто концов убегает рельс
достать билет я бы, верно, смог
но заказано миновать лес
войти в лифт, преступить порог
пересечь мизинцем всю акварель
по тропинке в чуть выцветший дачный дом
не возвращаются из-за трех морей
самолет не летает вперед хвостом.
Нет, не воздух я ем — осторожнее, не сломай
мое пирожное — из повидла и двух галет
тюльпаны на клумбе не вырастут в МИР—ТРУД—МАЙ
никто не подскажет, где находится *нофелет*.

ДАЧА

Где у вас тут — дорога в рай?

На 3-ей улице Красных зорь
От опушки соснового бора
До старых военных траншей
Живет семь доярок да алкашей
И тридцать с гаком веселых стрижей
И еще тракторист дядя Вова.
— Ты нас, пожалуйста, не позорь
Не тяни малину из-за забора
— Я больше не буду, честное слово!
А первое слово съела корова
И — *рот до ушей*
Хоть завязочки пришей.

Тете Оле покупают конфеты «Буревестник»
А мне конфеты нельзя, я — диотезник
У меня подмышками розово
Если вспотеть, играя в салочки,
Мне покупают безвкусные хлебные палочки
Я держу их во рту, будто затягиваясь папиросою,
Каждая третья ломается — полая изнутри.
Камень-ножницы-бумага раз-два-три.

На 3-ей улице Красных зорь
В зеленом дощатом сельпо у тетя Мани
За пятак — влажный рисовый пирожок.
Тут самая страшная травма — крапивный ожог,
А самая тяжкая хворь —
Загадочное «оэрзэ»:
Зеленые сопли и тридцать восемь — маме
Приходится в утешение печь безе.
С соседкой шепчется — вдруг все-таки грипп?
А в наших лихорадочных снах

Иллюстрацией радио мании
Будто гигантская сосна
Вздымается белый зловещий гриб
Над полями колхозными, в багровом мареве.
Внимание-внимание, говорит Германия.

На террасе повсюду яблоки на газетках.
Тетя Тоня готовит шарлотку,
Баба Дуся угощает вареньем —
Наливает полные розетки.
Михал Андреич закусывает водку
Свою, из погреба, настоящую на кореньях,
Выдержанную годами.
Белый налив опадает
Стучит ночами о крышу.
Пройдут пионеры: салют Мальчишу.

На 3-ей улице Красных зорь
Особая розовая земля
Соседка говорит, перегнивает кленовый лист
А мама говорит, у нее на языке мозоль.
А соседский мальчик у нас футболист
И до речки катается без руля.
А вот баба Луша идет за водой
В орденах на колхозной груди.
*И Ленин такой молодой
И Юный Октябрь впереди.*

Потом все разъехались кто куда
Велосипеды в сарай на металлолом
Тетя Оля на вечный восток
Мы в далекий Belleville
Где всё *крайне* благополучно
Высятся дома из темного кирпича
Между ними, по вымытым с мылом тротуарам,
Снуют в черных шляпках старушки Шапокляк,

Постригают розовые кусты
Подбирают какашки за своими крысами-ларисами

А помнишь, говорят мне, как было не-за-бы-ва-емо
Как мы ездили на побережье
Высоченные пальмы белый песок хрустальная вода
Эй! О чем ты думаешь? Ты что, не помнишь?!

Да-да, я помню, конечно, не спорь.
Я помню... маленькие скользкие маслята
В траве у памятника Неизвестному солдату
На 3-ей улице Красных зорь.

* * *

На побережье тайном финского залива
Откуда каждым темным зимним ранним
Подрасползаются по всей стране трамваи
Где валуны в крови и слизи цвета сливы
Где мерзлыми дорогами КАМАЗы —
В кабинах лед, водители безглазы —
Вывозят кости заблудившихся девчонок
И маленький служебный с тонкой вонью
Где стекла биты холод до печенок
Где поручни крошатся под ладонью
У пассажиров боты из больницы
Подвязаны полосочками ситца

Мне надо изо всех не заблудиться
Ползком ничком преодолеть границу
Пролезть сквозь сети сна, в кармане спички
Скажу в служебном ну что из пробирки
Из-под полы лед подтоплю, не залетев с поличным,
Как лед сойдет, в бескрайней бурой дырке
Под грудями лежалых орденов, ненужных премий
Пилюль и капельниц найду на самом донце
И от меня не *убежит Время*
В глаз плюну катышком ржаного хлеба
По слезке до смерти всё *истечет Время*
Скакалкой задушу, зарою в яму
Так окончательно *убью Время*
и всегда будет Солнце
и всегда будет Небо
и всегда будет Мама

А я буду мальчик-очкарик
И со скрипочкой пойду к тете Саре.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Об авторе</i>	5
<i>Предисловие</i>	7
Хожение за три горя	13

I. DES DAMES DU TEMPS JADIS

«За тремя морями за тремя веками...»	18
дама, сердце. Minnesang	19
«Полгода не был. На Новослободской...»	23
Осень	24
простыня с дырочкой на зачехленном диване	26
«Не в расчете на мой острый глаз...»	29
«Запах какао во влажном воздухе с подветрием бензина...»	30
«Когда бы можно было на руках...»	31
«Я б сшил тот дивный пламенный центон...»	32
«Незамысловатая набережная обрывается в травы...»	33
«В сумраке белые стрекозы...»	34
Княжна	36
Приехала	38
ИО	39
«...Поначалу стеснялся я, дурень...»	41
«На побережье тайном финского залива...»	43

II. НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ

«На дальней станции сойти...»	46
-------------------------------------	----

«В горбатом городе у последнего фонаря...»	47
«Мы живем на горе, на соседнюю ходим молиться...»	53
Гарри Поттер и Метрофис	54
«Да, я хочу под чьим-нибудь подбородком...»	59
«На побережье тайном финского залива...»	60

III. PARADISE LOST

«А ведь ни за какие молитвы не стать...»	64
«Мы росли под знаком Бонч-Бруевича...»	65
«В задымленном баре на Невском...»	66
«Мне никогда не быть...»	67
«Он уходит в шуршащее влажное...»	68
«Тут такая была история, забавная...»	70
«Ни за что не превратиться...»	71
«Ты кукла наследника Тутси...»	72
«Кружка-то эта ...»	73
«Ни за какие коврижки...»	74
«В модном подвальном баре...»	75
«Он всегда признавал...»	76
«Хоть бы и золотая рыбка да в живой воде...»	77
лето-турция-купальник	78
«Я стою тут такой желанный...»	79
«Живу дурак дураком: ни в пизду...»	81
Дача	82
«На побережье тайном финского залива...»	85

Ги́ла Ло́ран
~~ПЕРВОЕ СЛОВО СЪЕЛА КОРОВА~~
Книга стихов

Совместный издательский проект серии «Русский Гулливер»
и литературного клуба «Классики XXI века»

Руководители проекта

Вадим Месяц

Елена Пахомова

Главный редактор серии *Андрей Тавров*

Оформление серии *Маргарита Каганова*

«Русский Гулливер»

тел. +7 495 159-00-59

<http://gulliver.commentmag.ru/>

E-mail: a_tavrov@mtu-net.ru

Литературный клуб «Классики XXI века».

Издательство Р. Элинина.

Страстной б-р., д. 6 стр. 2, Москва

Чеховский культурный центр

www.klassiki21.ru/club

Подписано в печать 28.02.2008. Формат 84x108 /32.

Бумага офсетная. Гарнитура NewtonC.

Печать офсетная. Тираж 100 экз.

Заказ № 1111